

КОРНЕВОЙ ПОВТОР КАК СРЕДСТВО ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ПОЭЗИИ М. ЦВЕТАЕВОЙ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.7856222>

Ханнанова Мадина Ильдаровна

Магистр Бухду

m.i.xannanova@buxdu.uz

Современная лингвистика стремится рассматривать текст с точки зрения принципов его порождения, особенно если речь идет о тексте художественного типа. Одним из приемов выразительности, выступающим одновременно и как текстообразующее средство, является корневой повтор.

Корневой повтор как одна из ярких примет художественной речи М. Цветаевой практически не изучался. Единственное исследование, посвященное корневому повтору в творчестве М. Цветаевой, – это глава в монографии Л.В. Зубовой «Поэзия М. Цветаевой. Лингвистический аспект». Автор считает, что «сближение одно-коренных слов в словосочетании, в стихотворной строке, строфе, а также в более крупных, но структурно объединенных контекстах является одним из проявлений такого универсального и эмоционального по своей природе приема, как повтор» [1, с. 13]. Исследователь так определяет корневой повтор: «Однокоренной повтор выделяется тем, что актуализирует самое существенное в слове. Корневой повтор – это средство анализа слова в системе его образно-понятийных связей и средство познания вещей в процессе их называния» [Там же].

Однако под это определение может подойти целый ряд стилистических приемов, например, паронимическая аттракция, скорнение, этимологическая регенерация.

Стоит четко различать корневой повтор и паронимическую аттракцию, которая означает «распространение фонетических подобий на семантику слов», связывающую этимологически неродственные слова, например, «Я тебя загораживаю от зала / Завораживаю – зал!» [1, с. 48]. Корневой повтор является организующим приемом для других стилистических средств, более того, этот феномен имеет функцию порождения смысла, формируя новое значение на стыке двух слов, связанных им.

Скорнение – еще одно похожее на корневой повтор явление, которое получило широкую известность в теории и практике лингвистического анализа художественного текста благодаря исследованию творчества В. Хлебникова в работах В.П. Григорьева: «Скорнение – способ образования производных слов, который еще не получил в современной науке устоявшегося обозначения: для его характеристики используются термины: «вставочное образование»,

«наложение», «гибридизация», «телескопия», наконец, «контаминация». [2, с. 114]. В отличие от корневого повтора, свою художественную эффективность скорнение получает за счет необычного соположения частей разных слов, соединения их в одно целое слово, а не за счет повтора однокоренных слов.

В свою очередь, этимологическую регенерацию, которую Л.В. Зубова определяет как «нарочитое повторение этимологически чередующихся корней», например: «Жаркой рябины / Горькую кисть» [1, с. 30], -- следует рассматривать как вид корневого повтора, главной функцией которого является стилистическая, т.е. функция своего рода «стилевой переключки», благодаря которой в тексте возникают интердискурсивные смыслы.

Определение корневого повтора, данное Л.В. Зубовой, было бы более релевантным, если бы автор указала, что цель приема – актуализация этимологической, ассоциативной, символической информации путем повторения корней в ключевых словах. Считаем нужным уточнить данное определение: корневой повтор – это средство актуализации номинативного и образного потенциала слова; средство познания вещей в процессе их называния, актуализирующее этимологическую, ассоциативную, символическую информацию путем повторения корней в ключевых словах.

Рассмотрим основные текстообразующие и стилеобразующие функции корневого повтора, выявленные нами в поэтических текстах М. Цветаевой.

1. Корневой повтор превращает понятие в его противоположность, используя лексический и синтаксический параллелизм за счет зеркального повторения синтаксических конструкций: «Кто бескорыстен был?! – Нет, я корыстна! / Раз не убьешь – корысти нет скрывать / Что я у всех выпрашивала письма / Чтоб ночью целовать». В данном случае противопоставление куда более глубокое, чем смежение частей корневого повтора, где понятие «корысть» выступает в несвойственном для него значении. В узусе оно осмысливается с позиций меркантильности, а в

цветаевском идиолекте – с позиций чувственности, превращаясь тем самым в свою противоположность. А столкновение узуального и индивидуального значений порождает своего рода «модуль качества», который может варьироваться от предельности до превращения в свою противоположность.

2. Корневой повтор может реализовывать стилистическую антитезу: «Превыше всех земных ворот/ – врата мне – райские». Противопоставление заключается в сближении двух одно- коренных слов с чередованием -оро- / -ра- , одно из которых нейтральное, исконно русское, а другое – высокое старославянское, оппозиция которых реализует антитезу мирское – сакральное.

3. Корневой повтор, показывающий невозможность действия: «О, кто невесомых моих два/ Крыла за плечом –/ Взвесил?». Данный корневой повтор не только обостряет противопоставление, но и представляет действие метафизически невозможным в его художественном пространстве, так как отрицается не качество «весомость», а сама возможность такого действия.

4. Особо следует сказать о таком феномене, как «раскладывающийся корневой повтор при противопоставлении»: «Розовый рот/ На две половиночки /Победоносец победы не вынесший». Это противопоставление отражает христианскую дилемму: «Есть трагедийные ситуации, когда для истинного христианина нельзя не убить, но нет ситуаций, в которых истинно- му христианину можно убить» [3, с. 185]. С одной стороны, св. Георгий совершает подвиг:

«Синие версты/ И зарева горние!/ Победонос- ного/ Славьте – Георгия!», с другой стороны, святой не только отказывается от награды и боевой славы («А девы – не надо./По вольному хладу,/ По синему следу/Один я поеду; От славы, от гною/ Доспехи отмою», но герой ужасается им совершенным насилием: «О, тяжесть удачи!/ Обида Победы!/ Георгий, ты плачешь,/ Ты красною девой/ Бледнеешь над делом/ Своих двух/ Внезапно- чужих/ Рук».

Слово «победоносец» в данном отрывке текста не только раскладывается на составляющие компоненты, но и «разложенная» вторая часть как бы отрицает первую: это дает необычное, но закономерное для этики Цветаевой приращение смысла, основанное на этом противопоставлении: победоносец – это не тот, кто принес победу страдавшим от дракона жителям города, а тот, кто эту победу может нравственно вынести, решаясь на насилие и сознавая его порочность.

«Раскладывающийся корневой повтор» делает эту дилемму семантически и формально выраженной.

1. Корневой повтор со значением предельности, которая может иметь аномальный характер: «Чешский лесок – самый лесной». Аномальное образование аналитической пре-восходной степени не от качественного, а от относительного прилагательного приводит к тому, что относительное прилагательное в этом контексте приобретает качественность, которая дает значение «идеального понятия», «идеального представления о лесе», что переводит события стихотворения (нападение чешского офицера на фашистский патруль) из бытового в эпико-героический контекст.

2. Корневой повтор является средством создания иронии: «Раз он – бургомистр,/ Так что ж ему кроме/ как бюргеров зреть,/ Васса- лов своих; Завершенная седмица – / Бургомист- рово чело/ Что же снится/ Бургомистру? Ни- че-го, то есть бюргеры/ Спи жирна, спи верна, жена/ Бургомистрова: синица,/ Переполнившая зоб./ Что же мнится? Что же снится Бурго- мистерше?/ Хорошо б, / Из перин-то вырвав- ши, ему/ Бюргеры, ей – бюргерши».

В этом случае с помощью иронии, строящейся на корневом повторе, высмеивается не только однообразность жизни бюргеров, но и отсутствие в их жизни хотя бы доли свободы, фантазии, разнообразия. Бюргеры из поэмы М. Цветаевой

«Крысолов» оказываются несвободны даже в своих снах.

3. Корневой повтор может порождать градацию: «Оазисы! Чтоб всяк хлебнул и отпил, / И захлебнулся пустотой. Пью – не напьюсь. Вздых – и огромный выдох./ И крови ропщущей подземный гул/ Так по ночам, тревожа сон Давидов,/ Захлебывался царь Саул...». В данном примере градация, возникает при переходе от несовершенного вида к совершенному. Этот переход обеспечивает образу семантическую предельность.

Метафора, основанная на корневом повторе с элементом противопоставления: «Не проломленное ребро – переломленное крыло». В данном примере противопоставляются слова, чрезвычайно похожие по звуковому составу, потому что корневой повтор здесь используется вместе с паронимической аттракцией, которая выражена в приставке. На семантическом уровне наблюдается наличие общей семы, выраженной в корне. Корневой повтор вместе с тем отражает противопоставление на мифологическом уровне. Противопоставляется земной и небесный образ

женщины: Ева и Психея. Атрибутом Евы является Адамово ребро, из которого она была сотворена, или земной прах, атрибутом Психеи-души – крылья. Поэтому, когда Цветаева вводит мотив смерти, то для Евы метафорой смерти оказывается «проломленное ребро»:

«Можно было бы перечесть все кости мои; а они смотрят и делают из меня зрелище; делят ризы мои между собою и об одежде моей бросают жребий.». [Пс. 21] Подобное описание становится каноническим изображением человеческого страдания и смерти. Для Психеи, с которой ассоциирует себя лирическая героиня, метафорой смерти и страдания являются сломленные крылья, символизирующие абсолютную внетелесность.

9. Корневой повтор участвует в приеме конкретизации -- перехода от общего к частному: «Небесным странникам – мне – страннице/ Шептал – ты». Здесь этот переход вносит мотив интимности, который развивается с помощью глагола «шептал». Лирическая героиня ведет речь о какой-то тайной истине, которая перешла к «небесным странникам», неким существам высшего порядка, и к ней, при этом она отделяет себя от них: они «небесные», она – странствующая, земная. Но вместе с тем они объединяются как «знающие тайну», при чем ее постижение приходит к лирической героине в любовно-интимном контексте.

10. Корневой повтор создает амфиболию – намеренную нейтрализацию двух разных значений: «Руки, которые не нужны/ Милому, служат – Миру/ Горестным званием Мирской жены/ Нас увенчала лира». В этом случае происходит стык значений «мир – космос» и «мир – община», причем этот стык проходит по пути сужения значения: от «мира-космоса» до «мира общины» и даже приравнивает эти миры, причем достигается это за счет прилагательного

«мирской», в котором заключается противопоставление возвышенного и нейтрального. Понятие «мира-космоса» так же важно, потому что обуславливает противопоставление субъективного и объективного, что выражается далее уже путем паронимической аттракции: «Руки, которые не нужны/ Милому, служат – Миру». Отношение к миру у Марины Цветаевой становится необычайно субъективным, «включенным»:

«Горестным званием Мирской жены...».

11. Алогизм, основанный на мене актанта: «За охотником охотятся/ Ночь, дорога, камень, сон –/ Все, и сущие во всем/ Боги». Мена актанта основана на прототипическом восприятии «охотника». Охотник – это

человек, который охотится, и в «прототипическом мире» охотник не должен быть жертвой. Здесь можно говорить о стилистическом эффекте «обманутого ожидания» (Р.О. Якобсон) читателя, когда апелляция к прототипическим ситуациям для читателя оказывается бесполезной. Однако прием художественно оправдан, так как впоследствии алогичность оказывается мнимой. Она снимается в контексте новоприобретенных смыслов: из сюжета «Федры» мы узнаем о том, что боги желают смерти Ипполита-охотника и что он должен стать искупительной жертвой за грехи Тезея.

Итак, корневой повтор связывает слова, изменяя логические отношения между ними, организуя стилистические средства, которые основаны на нарушении обыденной логики во имя высшего художественного смысла. Прием корневого повтора отражает специфику цветаевского художественного мировидения: для М. Цветаевой было важно, с одной стороны, предельное восприятие действительности, а с другой – отрицание существующего миропорядка. Эта особенность ее поэтического мира нашла свое отражение в двух самых распространенных художественных функциях корневого повтора в поэзии М. Цветаевой -- предельности и противопоставленности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 262 с.
2. Григорьев В.П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М.: Наука, 1986. 253 с.
3. II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте» // Круглый стол «Эсхатологическая концепция Достоевского» (реплика Б. Тихомирова). М.: Фонд Достоевского, 2008. 614 с.